

грѣхъ прародителей усвоется природѣ каждаго ихъ потомка, потому что дѣйствительно ей принадлежитъ; отъ нечистаго каждый рождается нечистымъ, зараженнымъ грѣхомъ, потому подвергается всѣмъ послѣдствіямъ грѣха; но грѣхъ не только усвоется человѣку, а и вмѣняется ему, какъ лицу, когда онъ содѣваетъ грѣхъ по своему хотѣнію. Такимъ образомъ каждый подвергается наказанію не только по своей грѣховной природѣ, но и по своему личному, свободному согласію на грѣхъ, потому что нѣтъ праведнаго ни одного (Рим. 3, 10), всѣ согрѣшили. Изъ ученія о прирожденномъ грѣхѣ слѣдуетъ, что грѣхъ имѣеть прежде всего родовой характеръ, вошедши въ міръ чрезъ одного человѣка, прародителя, какъ естественнаго представителя и главы всего человѣческаго рода, и что грѣхъ изъ родового дѣлается личнымъ чрезъ свободное согласіе на него каждаго человѣка. Но когда человѣкъ лично не соглашается на грѣхъ, ненавидитъ его, а между тѣмъ дѣлаетъ грѣхъ по силѣ грѣховнаго закона, живущаго въ человѣкѣ, то здѣсь мѣсто для новаго, высшаго и совершеннѣйшаго откровенія правды Божіей, — откровенія Божественной благодати и премудрости въ искупленіи человѣка.

3) Возможность искупленія человѣка отъ грѣха со всѣми его послѣдствіями и восстановленія союза его съ Богомъ заключается: а) въ характерѣ и свойствахъ человѣческаго грѣха, какъ онъ обнаружился въ грѣхопадении прародителей и обнаруживается въ грѣховномъ состояніи каждаго человѣка, искушаемаго собственною похотью (Іак. 1, 14) своей грѣховной природы. Грѣхъ человѣка состоитъ не въ безусловномъ эгоизмѣ и противленіи Богу, а въ невѣрности Богу и въ преслушаніи воли Его, по побужденію эгоистическаго желанія независимости отъ Бога; потому, хотя грѣхъ глубоко проникъ въ природу человѣка, произвелъ въ ней разстройство и поврежденіе, но не измѣнилъ самой природы, не превратилъ ее въ иную природу, злую или животную, она осталась съ тѣми же свойствами, стремленіями, съ какими была сотворена Богомъ. б) Въ сохранившихся въ его богосозданной природѣ чертахъ образа Божія, каковы: стремленіе къ истинѣ и способность познавать ее (Рим. 1, 20), въ совѣсти, показывающей, что дѣло закона написано въ сердцахъ людей (Рим. 2, 15), въ способности

любить и дѣлать добро и неистребимой потребности быть въ союзѣ съ Богомъ, имѣть религію,—наконецъ в) въ чувствѣ и сознаниіи ненормальности своего состоянія внутренняго и внѣшняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребности искупленія, какъ показываютъ существующія у всѣхъ языческихъ народовъ жертвоприношенія богамъ, имѣющія умиловительное значеніе, и тѣ средства, которыя предлагаются тою или другою религіею для искупленія человѣка отъ зла, соотвѣтственно пониманію сущности его и происхожденія. Китайцы, умаляя значеніе зла до степени проступка или неправильнаго дѣйствія, не идутъ далѣе частныхъ, внѣшнихъ мѣръ пресѣченія зла. Индійцы почитаютъ единственнымъ средствомъ къ прекращенію зла уничтоженіе конечнаго бытія посредствомъ всемірной катастрофы и погруженія въ Брамму, у Буддистовъ—въ нирвану (отсюда ихъ аскетизмъ, не имѣющій ничего общаго съ христіанскимъ аскетизмомъ, или подвижничествомъ, но перѣдко, по повѣжеству, смѣшиваемый съ послѣднимъ, тогда какъ этотъ послѣдній состоитъ отнюдь не въ уничтоженіи личнаго бытія, а въ достиженіи нравственнаго совершенства посредствомъ борьбы съ грѣхомъ, живущимъ въ человѣкѣ). Персы ожидаютъ избавленія отъ зла чрезъ побѣду Ормузда надъ Ариманомъ, имѣющую быть въ концѣ вѣковъ. Египтяне видятъ средство къ избавленію отъ зла въ смерти, за которою, послѣ суда, наступитъ блаженная жизнь въ царствѣ Озириса; Греки и Римляне—вообще въ мудрости, но сами замѣчаютъ противорѣчіе между познаніемъ добра и неодолимымъ влеченіемъ къ злу (Овидій говорилъ: „вижу лучшее и одобряю, по слѣдую худшему),—то противорѣчіе, которое внесено въ природу человѣческую грѣхомъ и даетъ чувствовать потребность искупленія (Рим. 7, 23—24).

4) Собственныя силы человѣка недостаточны къ искупленію его отъ грѣха. Если бы грѣхъ имѣлъ только личный характеръ, былъ дѣломъ его свободы исключительно, то онъ былъ бы преступленіемъ подобнымъ преступленію Адама (Рим. 5, 14); слѣд., сопровождался бы всѣми тѣми послѣдствіями, какими сопровождался грѣхъ прародителя. Свободно соглашаясь на грѣхъ, человѣкъ уже невольно подчиняется его послѣдствіямъ, дѣлается плѣнникомъ грѣховнаго закона и рабомъ грѣха (Іоан. 8, 36). Чтобы загла-

дѣть свою виновность предъ Богомъ, надобно понести наказаніе за грѣхъ, т. е. подвергнуться смерти; въ этомъ смыслѣ ап. Павелъ говоритъ: „умершій освободился отъ грѣха“ (Рим. 6, 7), какъ понесшій наказаніе, но со смертію тѣлесною не оканчивается наказаніе грѣшника; есть смерть и для души, состоящая въ удаленіи отъ Бога и въ лишеніи славы Его.

Грѣхъ, однакожь, имѣетъ не только личный характеръ, но и родовой, состоящій въ поврежденіи природы человѣческой, которая, вслѣдствіе грѣхопаденія прародителей, сдѣлалась грѣховною. Дѣло личнаго искупленія, или освобожденія отъ грѣха для каждаго человѣка неразрывно связывается съ дѣломъ искупленія отъ грѣха природы человѣческой или всего рода человѣческаго. Но человѣкъ не можетъ измѣнить человѣческой природы и въ себѣ понести наказаніе за себя (Ис. 48, 9—10; Рим. 7, 24). Какъ же онъ можетъ исправить человѣческую природу въ другихъ людяхъ и понести наказаніе за всѣхъ (Ис. 48, 8). Дѣло искупленія безмѣрно увѣличивается, если оно должно состоять не только въ освобожденіи отъ грѣха, но и въ уничтоженіи всѣхъ его послѣдствій, какъ въ природѣ человѣческой, такъ и во внѣшнемъ мірѣ. Грѣхъ есть не только преступленіе, или преслушаніе воли Божіей, но и невѣрность Богу, нарушеніе первобытнаго религіознаго союза съ Богомъ. Потому искупить человѣка отъ грѣха значитъ — возстановить религіозный союзъ его съ Богомъ. Но это невозможно для собственныхъ силъ и воли человѣка, какъ потому, что только свободный отъ грѣха, чистый и правый предъ Богомъ можетъ имѣть общеніе съ нимъ (ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у свѣта съ тьмою? (2 Кор. 6, 14), такъ и потому что союзъ человѣка съ Богомъ, по самому понятію о союзѣ, зависитъ не отъ воли человѣка, но и отъ воли Божіей.

Воля Божія объ искупленіи падшаго человѣка. а) Если человѣкъ сдѣлался чрезъ грѣхъ невѣрнымъ Богу, то Богъ пребываетъ вѣренъ; ибо Себя отречься не можетъ (2 Тим. 2, 13). Вѣрность Бога Самому Себѣ, Его истинность и неизмѣнность суть свойства Его безпредѣльно совершеннаго, вѣчнаго существа. Вѣчна и неизмѣнна мысль Божія о человѣкѣ, созданномъ по образу и по подобію Божію, кото-

рымъ опредѣляется назначеніе человѣка, вѣчна и неизмѣнна воля Божія, чтобы человѣкъ достигалъ своего назначенія. Здѣсь глубочайшее основаніе искупленія человѣка. Какъ всевѣдущій, Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ всѣ послѣдствія данной человѣку свободы—грѣхопаденіе человѣка и все зло имъ произведенное; какъ Премудрый, Онъ отъ вѣчности предначерталъ планъ для осуществленія своей вѣчной мысли и воли о человѣкѣ. Потому и Искупленіе человѣка совершается по предвѣчному опредѣленію Божию (Еф. 3, 11), по опредѣленному совѣту и предвѣдѣнію Божию (Дѣян. 2, 23) и называется, „премудростію Божию“ въ тайнѣ сокровенною“, которую предназначилъ Богъ прежде вѣковъ (1 Кор. 2, 7—8), прежде созданія міра. По отношенію къ падшему человѣку — искупленіе его, и по своему началу въ вѣчномъ опредѣленіи воли Божіей, и по своему совершенію во времени, есть дѣло исключительно одной безпредѣльной благодати и любви Божіей, которая не только ничѣмъ незаслужена человѣкомъ, но и отвергнута имъ чрезъ грѣхопаденіе, потому дѣло искупленія есть совершеннѣйшее откровеніе Божественной благодати и любви, чрезъ которое Богъ явилъ неизобильное богатство благодати Своея, и союзъ, въ который Богъ благоволилъ снова вступить съ человѣкомъ согрѣшившимъ, есть союзъ благодати, въ отличіе отъ первобытнаго естественнаго союза Его съ человѣкомъ. Предопредѣленіе Божіе объ искупленіи падшаго человѣка относится ко всему роду человѣческому и имѣетъ всеобщій характеръ, потому что какъ „преступленіемъ одного всѣмъ человѣкамъ осужденіе“, такъ „правдою одного всѣмъ—оправданіе въ жизни“ (Рим. 5, 18), если же не всѣ люди достигаютъ своего предназначенія, то это отнюдь не ослабляетъ характера всеобщности предопредѣленія Божія, потому что Богъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись (I Тим. 2, 4) и всѣмъ далъ средство къ спасенію. Если же не всѣ люди достигаютъ предопредѣленнаго человѣчеству назначенія, то потому, что сами не хотятъ пользоваться богодарованнымъ средствомъ къ искупленію; но тѣ, которые пользуются этимъ средствомъ, тѣ самымъ дѣломъ доказываютъ, что въ лицѣ ихъ человѣчество достигло предопредѣленнаго Богомъ назначенія. По предвѣдѣнію своему Богъ предопредѣлилъ однихъ къ спасенію и славѣ, а другихъ къ

осужденію и гибели: ибо кого Богъ предъзналъ, тѣхъ и предопредѣлилъ; предопредѣленіе Божіе, ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ не нарушаетъ свободы человѣка, напротивъ предполагаетъ ее, потому что Богъ предвидитъ отъ вѣчности такое или иное употребленіе свободы каждымъ человѣкомъ; равно какъ такое или иное употребленіе свободы своей свободой не ограничиваетъ безусловной свободы Божіей, потому что Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ такое или иное употребленіе свободы, потому отъ вѣчности и предопредѣлилъ по своему правосудію, какъ сказано: „Такова я возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ, когда они еще не родились, и не сдѣлали ничего добраго или худого, дабы изволеніе Божіе происходило въ самомъ избраніи“ (Рим. 9, 11—13). Предопредѣленіе Божіе безусловно въ томъ смыслѣ, что Богъ предопредѣлилъ искупить человѣка, праведнаго къ славѣ и блаженству, а злого къ гибели; а не въ томъ, будто бы Онъ опредѣлилъ однихъ людей, каковы бы они ни были, къ спасенію, а другихъ, также каковы бы ни были, къ гибели, какъ учатъ кальвинисты, ибо это не свойственно Богу, общему для всѣхъ и нелицепріятному Отцу (посланіе Вост. патріарховъ).

б) Средство, отъ вѣчности предназначенное Богомъ для Искупленія падшаго человѣка, состоитъ въ томъ, что Богъ благоволилъ искупить его чрезъ Сына Своего во Св. Духѣ. Въ откровеніи этой тайны, въ осуществленіи этого плапа премудрости Божіей заключается устроеніе дѣла искупленія, или спасенія человѣка. Ап. Павелъ говоритъ: „когда явилась благодать и челоѣколюбіе Спасителя нашего Бога, Онъ спасъ насъ Святымъ Духомъ, чрезъ Иисуса Христа, Спасителя нашего“ (Тит. 3, 4—6). Что предопредѣленное Богомъ средство для искупленія падшаго человѣка есть совершенное и открываетъ глубину премудрости Божіей, можемъ разумѣть изъ того, а) что корень зла состоитъ въ свободномъ преслушаніи воли Божіей, потому хотя для безпредѣльной премудрости и всемогущества Божія возможны и другія средства, но Богомъ избрано такое средство, которое даетъ мѣсто свободному послушанію волѣ Божіей со стороны человѣка. Сынъ Божій воплощается на землѣ и дѣлается человѣкомъ для искупленія человѣка. б) Чтобы явить свободное послушаніе Богу, надобно быть безгрѣш-

нымъ, неповиннымъ грѣху, но въ то-же время быть чело-
вѣкомъ во всемъ подобнымъ людямъ, кромѣ грѣха. Отсюда
разумѣемъ, что Искупитель челоуѣка есть—челоуѣкъ чрез-
вычайный, небесный, какъ говорить Ап. Павелъ (1 Кор.
15, 47). *γ*) Надъ челоуѣкомъ тяготѣло наказаніе за грѣхъ.
Чтобы понести наказаніе за грѣхъ, Искупитель, какъ чело-
вѣкъ, подвергся смерти, но какъ Богъ истинный восторже-
ствовалъ надъ смертію. *δ*) Грѣхъ челоуѣка имѣеть родовой
характеръ, перешелъ отъ согрѣшившихъ прародителей ко
всему ихъ потомству, и Искупитель челоуѣчества, какъ его
представитель и глава, именуется „новымъ Адамомъ“, отъ
котораго происходитъ новое челоуѣчество не по плоти, а по
духу. Потому, какъ мы носили образъ земного (Адама),
такъ будемъ носить и образъ небснаго (Новаго Адама,
Искупителя) (1 Кор. 15, 49). *ε*) Для искупленія каждаго
челоуѣка надлежитъ, чтобы каждый происходилъ отъ новаго
Адама по духу, какъ по плоти происходитъ отъ перваго
Адама. Это новое рожденіе челоуѣка происходитъ по дѣй-
ствію св. Духа, возрождающаго и обновляющаго челоуѣка
къ богоугодной жизни въ союзѣ съ Богомъ.

в) Богъ отъ вѣчности предопредѣлилъ искупить челоуѣка,
но совершилъ дѣло искупленія въ предъустановленное Имъ
время, или когда пришла полнота временъ, т. е. когда съ
одной стороны, укрѣпились остатки добра въ челоуѣчествѣ
и утвердилась вѣра въ Искупителя, а съ другой стороны
открылись всѣ губельныя послѣдствія грѣхопаденія и при-
вели челоуѣка къ сознанію необходимости искупленія. Этотъ
обширный періодъ времени отъ грѣхопаденія прародителей
до совершенія дѣла искупленія называется приготовленіемъ
рода челоуѣческаго къ принятію Искупителя. Приготовле-
ніе состояло въ промыслительныхъ средствахъ откровенія
Божія, какъ сверхъестественныхъ, такъ и естественныхъ.
α) Сверхъестественныя дѣйствія состояли: въ обѣтованіи
Искупителя подъ именемъ Потомка жены, который будетъ
поражать змія въ голову (Быт. 3, 15). Обѣтованіе повто-
рялось и опредѣленнѣе раскрывалось праотцамъ еврейскаго
народа, въ которомъ сосредоточивались всѣ дѣйствія сверхъ-
естественнаго откровенія Божія— Аврааму, Іакову, наконецъ
Давиду. Обѣтованія укрѣпляли вѣру въ Искупителя и ука-
зывали племя и колѣно, и наконецъ семейство, въ которомъ

надлежало родиться Искупителю. Обѣтованія раскрывались въ пророчествахъ, которыя изображали достоинство и служеніе Искупителя, мѣсто и время Его пришествія, и въ преобразованіяхъ, которыя не въ письменахъ и словахъ, а въ лицахъ и событіяхъ изображали грядущаго Искупителя. Къ сверхъестественнымъ промыслительнымъ дѣйствіямъ приготовленія богоизбраннаго народа относятся: законъ Моисея, нравственный, обрядовый и гражданскій, данный Богомъ для утвержденія добра въ народѣ и огражденія его отъ зла и, наконецъ, вся историческая судьба еврейскаго народа, ясно указывавшая, что задача ея и цѣль избранія Его Богомъ не политическое могущество и преобладаніе, а религіозно-нравственное приготовленіе къ принятію Искупителя всего человѣчества.

β) Хотя всѣ сверхъестественныя дѣйствія откровенія Божія сосредоточивались въ народѣ еврейскомъ, однакожъ и языческіе народы не оставлены были безъ ихъ вліянія. Такъ, у всѣхъ народовъ сохранялись первобытныя преданія. Евреи, въ продолженіе своей исторіи, входили въ соприкосновеніе со многими языческими народами, особенно по разрушеніи царства израильскаго ассиріянами и іудейскаго Навуходоносоромъ въ 586 г. до Р. Х. Къ этому періоду времени (отъ VII до VI в.в. до Р. Х.) относятся религіозныя реформы языческихъ религій: персидской, индійской, китайской, — произведенныя не безъ вліянія на нихъ возвышенныхъ и чистыхъ понятій о Богѣ. Предъ пришествіемъ Искупителя іудеи были разсѣяны по всей Римской имперіи, вездѣ имѣли свои синагоги, даже въ Римѣ, и многочисленныхъ прозелитовъ изъ язычниковъ, сдѣланъ былъ переводъ Св. Писанія на греческій языкъ, общераспространенный въ этой имперіи. Дѣйствія міроуправленія Божія по отношенію къ язычникамъ, для приготовленія ихъ къ принятію Искупителя, усматриваются вообще въ поддержаніи нравственнаго порядка чрезъ споспѣшествованіе развитію добра и торжеству его надъ зломъ, а въ частности въ ходѣ и развитіи языческихъ религій; исторія ихъ показываетъ, что лучшіе изъ язычниковъ сознавали ихъ недостаточность, приходили къ лучшимъ религіознымъ понятіямъ, а иногда къ сознанию необходимости сверхъестественнаго откровенія, — въ судьбѣ отдѣльных царствъ и народовъ и въ общемъ движеніи всемірной исто-

рин; отдѣльныя государства процвѣтають, господствуютъ и разрушаются сообразно съ достоинствомъ началъ, лежавшихъ въ основѣ ихъ жизни: передъ пришествіемъ Искупителя на сценѣ всемірвой исторіи господствуютъ греки и римляне, превосходившіе всѣ другіе народы по характеру своей образованности и понятіямъ религіознымъ и нравственнымъ о справедливомъ и несправедливомъ.

γ) Слѣдствія грѣхопаденія человѣка ко времени пришествія Искупителя, въ теченіе тысячелѣтій, достигли крайняго своего выраженія, — въ противоположность мечтамъ о независимости отъ Бога и о господствѣ въ сферѣ чувственнаго міра, которыми искуситель обольщалъ прародителей. Такъ, вмѣсто независимости отъ Бога, повсюду въ языческомъ мірѣ видимъ не только грубое идолопоклонство, но и невозможность отдѣлаться отъ него при болѣе чистыхъ понятіяхъ о Богѣ у лучшихъ людей язычества; вмѣсто господства и наслажденія въ сферѣ чувственнаго міра встрѣчаемъ подавляющее духовныя силы человѣка рабство передъ силами виѣшней природы, уничижающее его до состоянія, свойственнаго неразумнымъ тварямъ. Неумолимый законъ смерти господствовалъ не только надъ отдѣльными лицами, но и надъ цѣлыми обществами и государствами, обрекая на тщету и разрушеніе лучшія стремленія человѣка. Умственное и нравственное состояніе самаго образованнаго, греко-римскаго міра, характеризуется тремя господствовавшими въ немъ направленіями философіи: стоиковъ, проповѣдовавшихъ равнодушіе и безнадежность по отношенію къ жизни, — эпикурейцевъ, поставлявшихъ верховное благо въ наслажденіи эгоистическомъ, и — скептиковъ, сомнѣвавшихся въ возможности познать истину. Въ самомъ іудейскомъ народѣ господствовали соотвѣтствующія этимъ направленіямъ секты: фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ. Лучшіе люди Израиля приходили къ убѣжденію, что чрезъ законъ нельзя достигнуть праведности: „запе не оправдится отъ дѣлъ закона всякая плоть“ (Гал. 2, 16); закономъ только познается грѣхъ (Рим. 3, 20).

О Лицѣ Искупителя.

Когда исполнилось предустановленное Богомъ время, или, какъ говоритъ Ап., когда пришла полнота времени, Богъ послалъ Сына Своего Единороднаго, Который родился отъ жены (Гал. 4, 4). Будучи Богомъ по существу, единосущнымъ Богу Отцу, Онъ сталъ человѣкомъ, единосущнымъ намъ по человѣчеству, во всемъ намъ подобнымъ, кромѣ грѣха. Потому Онъ есть Богочеловѣкъ, имѣющій два естества: Божеское и человѣческое, которыя соединены въ Немъ нераздѣльно, неслиянно, непреложно, неизмѣнно, неразрывно и неразлучно, составляя въ Немъ одну Упостась, или одно Божественное лице. Богочеловѣкъ Иисусъ Христосъ есть Искупитель падшаго человѣка.

а) Ученіе о томъ, что Господь Иисусъ Христосъ Искупитель и Спаситель міра есть Богочеловѣкъ, со всею полнотою раскрыто въ Св. Писаніи, такъ: «) Въ Ветхомъ Заветѣ, въ обѣтованіяхъ и пророчествахъ Онъ именуется потомкомъ жены,—Авраама, Давида, а вмѣстѣ съ тѣмъ Ему приписываются имена и дѣйствія, свойственныя Богу; такъ Онъ именуется: „Богомъ крѣпкимъ“ (Ис. 9, 6), говорится, что „Онъ взялъ на себя наши немощи“ и „понесъ наши болѣзни“; именуется Еммануиломъ, что значитъ: „съ нами Богъ“ (Ис. 7, 14). Въ Новомъ Заветѣ свящ. писатели указываютъ въ Лицѣ Иисуса Христа, въ Его дѣлахъ, обстоятельствахъ и событіяхъ Его жизни исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Его Богочеловѣческое достоинство открывается въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Его рожденія,—свидѣтельствѣ о Немъ Бога Отца при крещеніи, преображеніи, въ Его чудесахъ, на которыя Онъ указывалъ, когда Его спрашивали: „Ты ли Тотъ, Который долженъ прійти, или ждать намъ другого?“ (Мат. 11, 3), и въ свидѣтельствѣ о Себѣ самого Иисуса Христа, какъ выраженіи Его самосознанія. Рационалисты, напр. Ренапъ, согласны видѣть въ Немъ высшую степень религіознаго сознанія, Иисусъ Христосъ сознаетъ Себя и называетъ „сущимъ прежде Авраама“ (Іоан. 8, 58), „большимъ Соломона, Іоны (Лук. 11, 31—32) и другихъ пророковъ“, — „Сыномъ Божиимъ“, и Бога называетъ „Своимъ Отцемъ“, въ

собственномъ смыслѣ“ (Іоан. 10, 36--38), — „единымъ со Отцемъ“, въ смыслѣ равенства съ Нимъ, наконецъ, Онъ требовалъ, чтобы вѣровали въ Бога и въ Него: „вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте“ (Іоан. 14, 1). Такъ можетъ говорить только Лице Божественное, но никакъ не человѣкъ, хотя бы и посланный отъ Бога. Многіе изъ Его современниковъ, въ особенности Его непосредственные ученики и Апостолы, видѣли въ Немъ не просто человѣка, хотя и необычайнаго, но и вѣровали въ Его Божественность и свидѣтельствовали свою вѣру предъ Нимъ; такъ Ап. Петръ на вопросъ Его: „Вы за кого почитаете Меня?“ отвѣчалъ: „Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“ (Мат. 16, 16),—Ап. Ѳома сказалъ Ему: „Господь мой и Богъ мой“ (Іоан. 20, 28). Вѣру въ Него, какъ Сына Божія, какъ истиннаго Бога, явившагося во плоти, они раскрывали въ своихъ богодухновенныхъ писаніяхъ; особенно полностью и опредѣленно въ этомъ отношеніи отличаются Евангеліе отъ Іоанна и посланія Ап. Павла.

β) При единствѣ Лица Іисуса Христа два естества Его: Божеское и человѣческое такъ тѣсно, нераздѣльно и неразлучно соединены въ Немъ, что правильное пониманіе его человѣчества приводитъ къ убѣжденію въ Его Божественности. Въ новѣйшее время рационалисты обращаютъ свое вниманіе исключительно на изслѣдованіе земной жизни Іисуса Христа, какъ человѣка (Репанъ, Кеймъ, Гаусратъ) съ цѣлью показать, что Онъ былъ только человѣкъ, хотя и необычайный. Но совершенства Его по человѣчеству необъяснимы безъ мысли о Его Божествѣ. Такъ: а) многіе увѣровали въ Іисуса Христа не потому, что были свидѣтелями Его чудесъ, но привлечены были къ вѣрѣ въ Него силою Его слова, впечатлѣніемъ, которое Онъ производилъ своимъ обхожденіемъ съ людьми, даже своимъ внѣшнимъ видомъ; двое изъ учениковъ Іоанна Крестителя были предрасположены свидѣтельствомъ его видѣть въ Іисусѣ Христѣ обѣтованнаго Мессію, но окончательно убѣдились въ этомъ, когда пробыли съ Нимъ день, хотя они еще не видѣли никакого чуда. Матѳеѣй, прежде мытарь, когда Іисусъ Христосъ сказалъ ему: „слѣдуй за Мною“, тотчасъ оставилъ все, послѣдовалъ за Нимъ. Слово Его могущественно дѣйствовало къ возбужденію вѣры въ Него, народъ слу-

пашь его ученіе съ услажденіемъ и дивился словамъ благодати, исходившимъ изъ устъ Его; служители синедріона, посланные схватить Его, возвратились и сказали: „никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ!“ По описанію древнихъ памятниковъ, хотя и апокрифическихъ, но согласныхъ съ духомъ евангельскихъ повѣствованій, кто видѣлъ Его, исполнялся любовію къ Нему и вмѣстѣ страхомъ. Уничженное состояніе, въ которомъ Онъ находился по человѣчеству, не только не скрывало Его Божественнаго величія, напротивъ, свидѣтельствовало о безпредѣльной любви Его къ людямъ, свойственной Божеству. Уничженный, распятый Онъ былъ соблазномъ и безуміемъ для іудеевъ и эллиновъ, изъ которыхъ одни превозносились и хвалились своею праведностію, другіе своею образованностію. Но для людей простыхъ, „труждающихся и обремененныхъ“, презираемыхъ и проклинаемыхъ своими духовными вождями, Онъ и распятый былъ: „Господомъ Царствія, воистину Сыномъ Божиимъ“. Слушая Его бесѣды и наставленія, видя Его обращеніе, Его дѣла, народъ понималъ все различіе между Нимъ своими вождями. Въ мірѣ языческомъ, также какъ и въ іудейскомъ, проповѣдь о Его униженіи и любви къ человѣчеству производила впечатлѣніе достойнаго Бога величія. Только Богъ, пришедшій во плоти и смирившій Себя до послѣднихъ предѣловъ униженія, могъ быть предметомъ вѣры падшаго человѣчества.

Нравственный характеръ Иисуса Христа представляетъ полное отсутствіе всего, что можетъ нарушать общее впечатлѣніе совершеннѣйшей гармоніи. Въ жизни великихъ людей замѣчаются неровности, увлеченія, страсти, темныя стороны, иногда даже преступленія, но ничего подобнаго въ жизни Иисуса Христа. Онъ безгрѣшенъ по человѣчеству, чуждъ первороднаго грѣха, какъ воплотившійся отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы. „Кто изъ васъ обличитъ Мя во грѣхѣ?“ спрашиваетъ онъ у своихъ враговъ. Нашлись обвинители въ нарушеніи Имъ нѣкоторыхъ предписаній закона, но это мнимое нарушеніе свидѣтельствовало о высшемъ Его разумѣнии и совершеннѣйшемъ исполненіи закона. Отчаяніе Іуды предателя, свидѣтельство Пилата, говорятъ о Его неповинности съ точки зрѣнія іудейской и римской законности. Судъ надъ Нимъ всегда имѣетъ обратное дѣй-

ствіе, падающее на судящихъ. Судить Его на основаніи закона значитъ произпосить судъ надъ самимъ закономъ, потому что въ Немъ исполненіе закона, мѣра всякаго совершенства. Слово, которое онъ говорилъ, впечатлѣніе, которое Онъ производилъ, судить всѣхъ, будучи для однихъ живительнымъ, а для другихъ смертоноснымъ (2 Кор. 2, 16). Каждое дѣйствіе Его свято и есть результатъ вполне владѣющаго Его волею возвышеннѣйшаго нравственнаго самосознанія. Передъ началомъ своего общественнаго служенія Онъ подвергается искушеніямъ; съ твердостью, спокойствіемъ и ясностью духа Онъ противостоитъ имъ и побѣждаетъ ихъ. Въ продолженіе своего общественнаго служенія, встрѣчая грубую дѣйствительность, закоренѣлую въ невѣжествѣ и порокахъ, Онъ чуждъ раздраженія и апатіи. Онъ пришелъ „взыскать и спасти погибшихъ“ (Мат. 18, 11). Онъ полонъ любви въ самомъ негодованіи, кротокъ и снисходителенъ въ грозныхъ обличеніяхъ; положительная сторона любви къ заблуждающимся всегда имѣетъ въ Немъ перевѣсъ надъ отвращеніемъ къ ихъ заблужденіямъ. Къ концу Его общественнаго служенія ненависть къ Нему увеличивается, Его осуждаютъ на смерть. Но у Него нѣтъ отчаянія, или раздраженія, будучи злословимъ, Онъ не злословитъ взаимно, страдая,—не угрожаетъ (1 Петр. 2, 23). Онъ молится на крестѣ за своихъ враговъ. Никакія темныя силы не омрачаютъ Его духа, не колеблютъ Его твердости; душа его прискорбна даже до смерти, но эта глубокая скорбь не отрываетъ Его духа отъ религіозно-нравственныхъ основъ, напротивъ, она открываетъ глубину покоренія Его волѣ Небеснаго Отца. Но не изъ однихъ скорбей слагалась Его жизнь; были въ ней и свѣтлыя торжества. Онъ былъ окруженъ учениками, ради Его оставившими все,—видѣлъ передъ собою тысячи слушателей, слышалъ царственныя привѣтствія и ликованія, при вступленіи въ престольный городъ Давида. Но онъ не искалъ славы отъ людей и не желалъ пользоваться увлеченіемъ народа для какихъ либо честолюбивыхъ цѣлей и никогда не льстилъ народнымъ страстямъ. Въ минуты славнаго преображенія Онъ разсуждаетъ о страданіяхъ и смерти, ожидающихъ его въ Іерусалимѣ; при торжественномъ входѣ въ Іерусалимъ

сокрушается духомъ и плачетъ о духовномъ ослѣпленіи и ожесточеніи іудейскаго народа.

γ) Тѣмъ, которые останавливаютъ вниманіе исключительно на человѣчествѣ Иисуса Христа и хотятъ видѣть въ Немъ только великаго историческаго дѣятеля, — слѣдуетъ указать на силу и широту Его вліянія въ сравненіи со всѣми великими людьми. Его вліяніе не ограничивается племенемъ, мѣстомъ и періодомъ времени. Его преобразовательная дѣятельность обращена была не на внѣшній строй и порядокъ жизни, чтобы чрезъ внѣшнее дѣйствовать на внутреннее, но прямо и непосредственно на внутреннюю сторону человѣка, преобразуя и претворяя ветхаго человѣка съ его грѣховными помыслами и расположеніями въ новаго, созданнаго по Богу въ праведности и святости истины. Начинаясь въ сокровенныхъ глубинахъ души, Его вліяніе простираетъ свое обновляющее дѣйствіе на всѣ силы и стороны человѣческаго существа, на всѣ области человѣческой дѣятельности, на жизнь человѣчества. Именемъ Иисуса Христа запечатлѣны избранные, лучшіе люди всѣхъ мѣстъ, времени и народовъ. Изъ глубины Его духа, чрезъ духовное общеніе съ Нимъ, всѣ почерпаютъ силу, достаточную для достиженія всякаго духовнаго совершенства.

δ) Какъ высоки должны быть совершенства Иисуса Христа? Но судить о Немъ значитъ измѣрять величину той мѣры, которою все измѣряется. Чтобы судить о высотѣ Его совершенствъ, человѣкъ не имѣетъ другой мѣры, кромѣ Его собственнаго совершенства. Совершенство Его не было какимъ либо особеннымъ свойствомъ Его человѣческой природы, потому что Онъ, подобно всѣмъ людямъ, подчинялся условіямъ человѣческаго развитія, преуспѣвая какъ возрастомъ, такъ и премудростью, — былъ во всемъ подобенъ намъ, кромѣ грѣха. Но совершенство Его не было плодомъ Его собственно человѣческихъ усилій; для объясненія ихъ недостаточно предположить въ Немъ одно постоянное памятованіе нравственнаго закона; такое отношеніе къ нравственному закону свойственно фарисеямъ и стойкамъ; — недостаточно предположить и одно постоянное памятованіе о Богѣ. Возвышенность, живость, твердость и постоянство Его нравственно-религіознаго самосознанія указываетъ на иное отношеніе Его къ Богу, которое неизмѣримо глубже

и непосредственнѣе, нежели въ каждомъ человѣкѣ. Его совершенство по человѣчеству можетъ находить единственно правильное объясненіе въ нераздѣльномъ единствѣ въ Его лицѣ Божескаго и человѣческаго естества. Полнота Его совершенствъ находитъ объясненіе только въ томъ, что въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно (Кол. 2, 9), или что Онъ есть Богочеловѣкъ.

а) Тѣ, которые останавливаются въ своихъ изслѣдованіяхъ исключительно только на человѣческой природѣ Иисуса Христа и не признаютъ Его Богочеловѣкомъ, собственно держатся деистическаго возрѣнія, по которому Богъ, сотворивши міръ, не имѣетъ никакого отношенія къ міру и человѣку. По требованію деистическаго принципа соединеніе Божеской и человѣческой природъ въ Лицѣ Искупителя—дѣло невозможное и невысказанное. Иисусъ Христосъ, по деистическому возрѣнію, есть величайшій пророкъ, величайшій религіозный гений—человѣкъ, представляющій собою осуществленіе нравственнаго идеала, или осуществленіе идеала Богоугоднаго человѣка ¹⁾. По деистическое возрѣніе, во 1-хъ, не въ состояніи объяснить появленіе между людьми такого необычайнаго человѣка, обладающаго всѣми совершенствами, какимъ былъ Иисусъ Христосъ. Если Онъ, по своей единственности, представляетъ собою исключеніе изъ всѣхъ, то этимъ самымъ доказывается, что онъ болѣе, нежели человѣкъ. Деисты возражаютъ: Если Иисусъ Христосъ обладаетъ Божескимъ самосознаніемъ съ самаго рожденія своего на землѣ, то для Него невозможно было бы человѣческое развитіе, а потому Его жизнь не могла бы служить образцомъ для людей. Самая природа человѣческая, при единствѣ Его личнаго самосознанія, была бы какою-то иною, а не нашею, потому что природа человѣческая имѣетъ

¹⁾ Древнѣйшія ереси деистическаго характера: іудейскій эвѣонизмъ, признававшій въ Немъ величайшаго изъ пророковъ; ересь Павла Самосатскаго, который училъ, что Иисусъ Христосъ есть человѣкъ, рожденный сверхъестественнымъ образомъ, съ которымъ соединена была Сила Божія; аріанство, не признававшее Его Божественности; отчасти несторіанство, находившее невозможнымъ соединеніе Божескаго и человѣческаго естества въ одномъ Лицѣ, поэтому учившее, что въ Иисусѣ Христѣ два Лица: Божеское и человѣческое. Изъ новѣйшихъ сюда относятся: соціанство, Кантъ съ своими послѣдователями—богословами.

свойственное ей человѣческое самосознаніе, а не Божеское. Это возраженіе действъ разрѣшено еще на 4-мъ вселенскомъ, или Халкидонскомъ соборѣ (451 г.), который въ своемъ опредѣленіи исповѣдуетъ Иисуса Христа совершеннымъ въ Божествѣ и человѣчествѣ. Иисусъ Христосъ по своему человѣчеству преусиѣвалъ возрастомъ и премудростью, какъ свойственно каждому человѣку, подчиняясь всѣмъ условіямъ человѣческаго развитія. Въ Иисусѣ Христѣ два естества: Божеское и человѣческое, со всѣми ихъ качествами и особенностями. Человѣческая природа въ Немъ есть дѣйствительная природа человѣческая, состоящая изъ тѣла и души, имѣющая умъ, свойственный человѣку, волю человѣческую и дѣйствія собственно человѣческія. Іоаннъ Дамаскинъ такъ объясняетъ единство Лица Иисуса Христа при двухъ естествахъ: „въ Иисусѣ Христѣ человѣческая природа не есть безсознательная, или безличная, но принятая въ вѣчностное, личное единеніе съ Божескою природою. По единству своего Лица, Иисусъ Христосъ сознавалъ свои какъ Божескія, такъ и человѣческія свойства и дѣйствія, на примѣръ, сказалъ въ молитвѣ къ Богу Отцу: „прославь Меня славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде бытія міра“ (Іоан. 17, 5), сознавая свое Божество, а на крестѣ произнесъ „жажду“ (Іоан. 19, 28), сознавая ощущеніе, свойственное человѣческой природѣ. Единство личнаго самосознанія въ Немъ для Божеской и человѣческой природы Его не даетъ никакого повода къ смѣшенію Его природъ Божеской и человѣческой, которыя въ Немъ нераздѣльны, но также и неслиянны и непреложны. По человѣческой природѣ Онъ преусиѣвалъ „въ премудрости и возрастѣ“, словомъ: совершенствовался. Божественная возвышенность Его самосознанія—причина Его совершенства по человѣчеству, подобно тому какъ и для каждаго человѣка возвышенное самосознаніе есть условіе для болѣе совершеннаго развитія. Съ другой стороны были и есть люди, которые признаютъ въ Иисусѣ Христѣ одну только Божескую природу; что же касается Его человѣческой природы, то они почитаютъ ее случайною, временною формою проявленія Божества, потому и союзъ между обѣими природами въ Немъ не признаютъ неразрывнымъ и неразлучнымъ. Такіе люди извѣстны были Ап. Іоанну Богослову: „всякій духъ“, говоритъ

опъ, „который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога (Іоан. 4, 3). Это пантеисты, у которыхъ основной принципъ—слияніе Божества съ міромъ въ одно бытіе. Понятно, что пантеисты охотно допускаютъ боговоплощеніе, богочеловѣченіе, когда говорятъ о Лицѣ Иисуса Христа, но въ томъ же смыслѣ, въ какомъ признаютъ воплощеніе Божества во всемъ мірѣ. При единствѣ своего основного принципа, пантеистическое воззрѣніе имѣетъ разнообразныя формы; оно значительно смягчается подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій о личномъ бытіи Божіемъ, но дасть себя узнавать по другимъ характернымъ признакамъ. Такъ, всѣ древнія ереси пантеистическаго направленія, сохраняя ученіе о личномъ бытіи Божіемъ, признаютъ Иисуса Христа лицомъ Божественнымъ, а человѣческую природу въ Немъ докеты (отъ *δοκίω*) называли призрачною, монофизиты учили, что человѣческая природа въ немъ исчезаетъ въ безконечности Божества, подобно каплѣ меду или желчи въ океанѣ,—моноэелиты, что въ Иисусѣ Христѣ одна воля Божеская. Новѣйшіе пантеисты держатся принципа безличнаго бытія Божія, разумѣя подъ именемъ Божества только безконечное, или идею о немъ, которая осуществляется въ мірѣ и достигаетъ своего высшаго развитія въ сознаніи человѣка, потому о Лицѣ Иисуса Христа учатъ, что онъ обладалъ высшимъ религіознымъ самосознаніемъ, что идея безконечнаго выразилась въ Его сознаніи совершеннѣйшимъ образомъ, или, что Божественное и человѣческое сдѣлались тождественны въ Его сознаніи. Въ этомъ смыслѣ Штраусъ и другіе пантеисты понимали боговоплощеніе. Новѣйшіе пантеисты собственно признаютъ въ Иисусѣ Христѣ человѣческую природу и личность, хотя приписываютъ Его человѣческому сознанію всю безковечную полноту Божественной идеи. Съ своей точки зрѣнія они и не могутъ сказать ничего болѣе возвышеннаго о Лицѣ Иисуса Христа, потому что у нихъ Богъ не есть дѣйствительное личное Существо, а только абсолютная идея; совершеннѣйшее единеніе Божества и человѣчества можетъ быть не болѣе, какъ только совершеннѣйшимъ знаніемъ, или представленіемъ человѣка о Богѣ. Въ ученіи пантеистовъ о Лицѣ Иисуса Христа наглядно выражается коренной недостатокъ пантеизма — отрицаніе